

ле армянского народа, стонущего там под советским игом. Мы убеждены, что этот народ, когда настанет час «последнего решительного боя» будет вместе с другими кавказскими народами, и мы не теряем надежды, что армянские политические круги учтут реальную обстановку, подлинные настроения армянского народа и сумеют своевременно возглавить освободительное движение армянского народа в общекавказском русле.

Нет в этом основном вопросе нашей практической политики необходимой ясности и среди некоторых грузин. Между тем наши споры не могут привести нас к одному знаменателю, покуда не будет полной ясности в понимании того, чего мы хотим, и чего добиваемся. Настоящий доклад ставил своей целью полную ясность хотя бы в позициях той группы кавказских деятелей, к которой я принадлежу.

Тамбий Елекхоти.

А. Т. Ж.

Запоздалому читателю из «ВК»

17-го декабря 1933 года И. А. Билый вынужден был выступить перед в. к. г. Парижа с объяснениями по поводу тогда уже ясно обозначившегося раскола в среде ВК.

И вот на этом именно собрании (в 2 ч. 30 м., 64, рю Сэн-Доминик) Билый был публично уличен в недобросовестном освещении фактов раскола, в злоупотреблении и превышении власти, в клевете и других нехороших поступках в отношении своих ближайших сотрудников. Он был изобличен также в умышленном искажении в свою пользу и подделке некоторых статей постановления МКВК. При чем тут же ему был предъявлен подлинный экземпляр этого постановления. Обезкураженный фальсификатор, очевидно, был глубоко убежден в существовании лишь одного, находящегося у него на руках, экземпляра, а потому считал свою подделку гарантированной от каких бы то ни было подозрений.

Далее. На том же собрании, перед лицом всех в. казаков Парижа, г. Балинов, с документами в руках опроверг все словесные хитросплетения Билого. опроверг по пунктам весь его фальшивый «Мой ответ».

Все это тогда произвело на казаков очень тягостное впечатление. Даже предубежденным сторонникам Билого было стыдно за своего убогого «вождя»: все его ничтожество, вся его моральная низость и лживость ярко предстали перед слушателями. И ничем уж нельзя было спасти окончательно запутавшегося в противоречиях, изолгавшегося в конце человека. Для спасения рухнувшего престижа Билому потом понадобились меры особого порядка — это те же ложь, провокация, подкуп, обман, запугивание и циничное оплевывание всех неугодных ему казаков в печати, благо — в своем журнале можно было писать что угодно, а покровители денег не жалели. Но эти «меры» из предосторожности стали практиковаться уже в замкнутом кругу слепо преданных людей.

Еще одно. На собрании 17 декабря г. Балинов показал казакам собственноручное письмо Билого, в коем последний недвусмысленно предлагал Балинову материальное обеспечение, если он согласится поддерживать его — Билого во всех подлостях, т. е. поступит своей честью и достоинством.

Это тоже оказалось для Билого неожиданностью, и он попытался вырвать из рук Балинова досадную бумагу, но это ему не удалось, при всеобщем взрыве хохота присутствующих. Балинов, крепко держа письмо, приблизил его к лицу Билого. Подлинность письма Билый признал и окончательно пришибленный, не знал куда деваться; то краснея, то бледнея, он с видом побитой собаки направился к своему месту.

Вообще, в этот день ему не повезло. Вместо ограниченного круга слепых приверженцев, которым можно было бы представить все в любом освещении, не боясь критики или изобличений, на собрание явились почти все в. к. г. Парижа, хотя были приняты все меры к тому, чтобы избежать этого.

Наконец, в первых же номерах ж. «К» и в специальных бюллетенях ЦПВК, детально и документально осветило обстоятельства происшедшего раскола, выявив при этом с исчерпывающей полнотой неприглядную роль редактора Билого.

Всякий добросовестный читатель имел полную возможность самостоятельно установить истину, пользуясь беспристрастно материалами обеих враждующих сторон. Большинство казаков так и поступило. Однако, нашлись и такие, которым личные симпатии или антипатии не позволили обсудить вопрос нормально. Эти просто становились на ту или иную сторону по влечению сердца или же по соображениям более низменного характера. К таковым принадлежит и анонимный «читатель» из «ВК». Вернее же, за этим «читателем» спрятался сам Билый.

Чтобы лишний раз упрекнуть Балинова в какой то мифической измене ВК-у, анонимный автор не нашел ничего лучшего, как вернуться к старой, давно изжитой белиберде, и процитировать ряд выдержек из биловской брошюры: «Мой ответ».

Где же вы были, любезный «читатель», когда эту филькину грамоту, эту заведомую фальшь ресторонне изобличали на собрании в Париже 17-го декабря 1933 г., а потом и в печати? (см. 1-й номер «Казаккии» и бюллетень Парижского Представительства от ЦПВК). Или вы решили ограничить ваше знакомство с вопросом лишь одной, понравившейся вам стороной? Но тогда какое же вы имеете право лезть со своими вы-

водами и судить о целом, если ознакомились, да и то неважно, только с частью.

Следуя петушиной логике, запоздалый читатель признал Балинова ловким парнем, а Трофимова, Ульянова, Голеннова и Жукова просто обманутыми дураками. Кто умен, а кто дурак, — и вообще об умственных способностях в данном случае спорить с «читателем» не стану, об этом пусть судят другие; но взамен этого, беру на себя смелость вновь заявить, от себя и от имени подписавших пять лет тому назад обращение ОРК, к казакам, что «Балинов ни на одну ногу никогда не отступал от своих прежних убеждений, ни на одну секунду не изменял идее ВК».

За Балинова красноречиво говорит вся его прежняя и настоящая деятельность, тогда как Египты, произвольно изменивший даже самую идею ВК, похвастать ни своим прошлым, ни тем более настоящим не может: кругом изолгался, кругом осрамился, опозорил себя и других. Этот позор долго будет висеть над ВК. Смыть его будет не легко.

«Читатель», несомненно, отождествляет ВК с личностью самого Билого, поэтому и решает, что отход от Билого равносителен измене вольноказачьей идее. Мы держимся на этот счет иного мнения. Об этом достаточно писалось. Если кто до сих пор не уразумел абсурдности подобного отождествления, то тем хуже для него.

Комментатор «Моего ответа» поступил бы с большей пользой для себя, если бы вычитанное им в брошюре хорошо продумал и попробовал хоть отчасти проверить на самом Билом.

«Коронация» гр. Граббе

6 августа в Курбеву, в помещении казачьего музея, «короновался» гр. Граббе. Несмотря на избрание (всеобщим, прямым и тайным голосованием) ген. П. Х. Полова Донским Атаманом на трехлетие 1938-41 г. г., «граббевцы» решили пренебречь этим единственно законным выражением воли тысячи донских казаков и провозгласить своего шефа атаманом без выборов.

И от казаков получили заслуженный ответ. Они оскорбительно игнорировали: в центре сосредоточения казаков, в Париже, где живут более тысячи человек, несмотря на энергичную работу «загонщиков», Граббе на свою «коронацию» собрал... 40 казаков, приблизительно, столько же русских — представителей разных русских организаций, и просто любопытствующих.

Сам Граббе выступил во всеоружии своих орденов, с широкой аннинской красной лентой через плечо. Начинают играть в солдатки. Слышатся команды: «Господа офицеры, Атаман идет!» — «Господа офицеры, под Штандарты!».

Затем полк. Шульгин, каким то чудом овладевший «властью» во Всевеликом Войске Донском, вручает ее гр. Граббе, что сопровождается чтением бессодержательной грамоты, в которой ложь и лесть сочетаются довольно равномерно.

Следуют поздравления с «избранием»: «от Корпусной группы Донского Корпуса», «от Вой-

Получились бы курьезные пассажи. Вот, напр., собственные слова Билого: «... я не мог стать на эту Балиновскую точку зрения, т. к. вотума доверия в свою пользу не хочу ни у кого **Вырывать...**».

А что же Билый делал в действительности, начиная с пресловутого Люонского съезда, как не вырывал этот самый вотум доверия? Да еще при помощи каких грязных методов продлевал все это. Мы бы могли многое сказать по этому поводу, но нас удерживает мысль, что Биловская грязь и подлость в известной мере будет использована нашими врагами для опорачивания вообще всего ВК. С другой же стороны, — убеждать приверженцев «походного Атамана» — задача весьма неблагодарная: как только вопрос касается нехороших сторон Билого, они намеренно правятся в слепых и глухих; по их мнению, о Билом надо судить лишь как о мертвецке — *aut bene, aut nihil*. т. е. или говори только хорошее, или ничего не говори.

А раз так, то и споров быть не может. Нельзя заставить сумасшедшего поступать разумно, как задача преубежденного в чемнибудь уверить даже в самом очевидном.

В заключение, можно сказать, что запоздалый, но услужливый «читатель» выступил весьма не кстати. Обвинять Балинова в измене ВК-у на основании филькиной грамоты и сейчас же после биловской эпопеи в Белграде, — это все равно, что в доме повешенного громко говорить о веревке. Это во всяком случае нетактично.

своей старшины», «От Аньерского прихода», «От представителя Оренбургского, Уральского и всех дальневосточных казачьих Войск». Генералы Акулинин, Зубов, Стогов, Позднышев, Алпатов, господа Криштафовичи и прочее, ни чуточку не краснея, поздравляют Граббе с «победой!»

Вся эта комическая церемония — провозглашение Донского Атамана без донских казаков — начинается с пения «Коль Славен». Очевидно, для устроителей «коронации» захватывающий донской гимн «Всколыхнулся, взволновался православный Тихий Дон» имеет третьестепенное значение. Он и поется в самом конце церемонии, как бы нехотя.

Берет слово Граббе и, очевидно, своим неестественно громким голосом, покрывая свое невольное смущение отсутствием казаков, бросает в зал: «Волею донцов, символ казачьей власти — пернач — сохранен в моих руках»... «Без колебаний буду продолжать идти намеченную дорожку, крепко держа пернач. Свято буду соблюдать честь и достоинство Войска»... «Послужим державе Российской»... Среди донцов обнаружилось непростительное и недопустимое разделение и сегодня решительно заявляю: во имя долга пред Войском этому должен быть положен конец раз и навсегда»...

Ген. Акулинин, приветствуя Граббе, любезно наметил план его будущей работы. По Акули-